«ВЫКРУТАСЫ» БАРДИНА

На вопросы корреспондента отвечает известный советский мультипликатор

Все-таки чудной он человек, этот Гарри Бардин. Неугомонный какой-то. Посудите сами, мыслимо ли это: член правления режиссерской гильдии, зампред Московского бюро мультипликации СК СССР, член режиссерского бюро студии «Союзмультфильм», член приемной комиссии союза, член правления Дома кинематографистов, преподаватель Высших режиссерских курсов, и прочая, и прочая, и прочая. А ведь существуют еще семья и любимая работа, которая поглощает его всего. Сам он сваливает это на свой «общественный темперамент». А по-моему, он просто по натуре такой— авантюрист и жадина. Жаден до работы, до новых идей, людей, впечатлений — жаден до жизни. В школе то председатель совета отряда, то секретарь комитета комсомола, то редактор стенгазеты, то руководитель самодеятельности... После школы — три года на заводе, слесарем-инструментальщиком, три года армии, актерский факультет Школы-студии МХАТ, пять лет, отданные театру им. Гоголя. А потом — ни с того, ни с сего — заявление об уходе. «Как же так,— не понимала мать,— ты уходишь в никуда? Не будет окошечка, в которое можешь два раза в месяц сунуть голову и получить хотя бы жалкие пять рублей?» Для окружающих это была дурь, для него — поступок.

Наверное, тем и отличается незаурядный человек от посредственности, что в нем всегда присутствует какой-то внутренний напор, внутреннее «могу», которое и дает право на поступок. Уже потом, спустя годы, миллионы людей будут наслаждаться его чудесными мультфильмами: «Дорожная сказка», «Летучий корабль», «Тяп-ляп маляры», «Брек», «Банкет», «Брак», «Выкрутасы», которые принесут ему признание и успех, «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля. Но это — потом. А пока расставшийся с театром актер Гарри Бардин подрабатывает на дублировании фильмов, озвучивании мультфильмов, а параллельно с этим начинает писать. 1975-й. Василий Ливанов и Гарри Бардин пишут для кукольного театра С. В. Образцова пьесу «Дон Жуан» — она до сих пор собирает аншлаги. Режиссером-постановщиком на этот спектакль приглашен... Гарри Бардин.

— Так ко мне впервые прилипло слово «режиссер». Раньше я не мог даже предположить, что выйду на этот виток в своей жизни. Я скорее мог представить себя скульптором, потому что я леплю и люблю лепить. Но это произошло.

— А как вы пришли в мультипликацию?

— С улицы. Вскоре после Образцова мне вдруг предложили поставить мультфильм по моему сценарию, который лежал на студии мертвым грузом. Я, конечно, заколебался, так как не знал технологии мультипликации, не ведал, во что это выльется. Но я решил: смогу.

Здоровый авантюризм и на сей раз сослужил ему хорошую службу. Это был, пожалуй, самый главный шаг в его жизни. Родился счастливый союз: Бардин нашел мультипликацию, а мультипликация — его.

— Я начал делать мультфильм. И мне это так понравилось! Впрочем, ничего примечательного в этом фильме нет. Называется он «Достать до неба» — лирический мультфильм для детей. Единственное, что там есть,— настроение. Самое примечательное, что худсовет по приему фильма совпал с днем рождения моего сына — 10 октября 1975 года. Вот так родились мой первый мультфильм и мой первый и последний сын. На том же самом худсовете И. П. Иванов-Вано дал высокую оценку моей работе, и, может быть, это подвигло тогдашнего директора студии взять меня в штат.

Поначалу он честно трудился на детей, делая для них рисованные мультфильмы: «Приключения Хомы», «Летучий корабль», который растаскала по кускам «Утренняя почта»... Затем Бардин начал «взрослеть». Однажды он захотел сделать лирическую сказку о любви. Героями были... машины. Он буквально заболел этим. Причем ему хотелось, чтобы машина оставалась машиной — никаких глаз, ручек, ушек...

— Мне сначала не давали, а потом предложили сделать мультфильм... по заказу ГАИ, о правилах дорожного движения. Мы долго боролись, но в конце концов я добился своего.

Так появилась на свет «Дорожная сказка» — трогательная в своей искренности, с улыбкой и слезами, чудесная история любви. Потом был мультфильм, который не очень получился, эдакое больное дитя — «Прежде мы были птицами». И вот пришла идея «Конфликта».

— Это антивоенный фильм, который я давно хотел сделать, но не знал, на чем. Наверное, я много думал об этом, потому что фильм мне приснился — целиком, от начала до конца. Фильм, в котором я хотел, как дважды два, на очень простых вещах, рассказать о невозможности на сегодняшний день войны, о том, что сейчас не может быть «справедливых» или «несправедливых» войн. Человеческая жизнь — это спичка. Хрупкая, ломкая, сжигаемая. А коробок — это наша земля, которая может быть домом, а может быть саркофагом, куда сойдут сожженные спички в конце фильма.

За семь с половиной минут рассказана история о тем, как не поделившие между собой коробок спички с зелеными и синими головками разделили землю и провели границу. В финале все сожженные спички с обугленными головками лежат в коробке-саркофаге.

— После «Конфликта» была проба пластилином. Я хотел попробовать трехмерное пространство в пластилине, что на студии еще не делали. Это были «Тяп-ляп маляры». Сценарий лежал давно — ему в свое время не давал ходу Даль Орлов, бывший главный редактор Госкино, который считал, что это — поклеп на рабочий класс. Для меня до сих пор загадка, как он углядел в двух разгильдяях весь рабочий класс!

Я попробовал, мне это очень понравилось, в результате родилась идея снять «Брек». Сам я не боксер и не люблю, когда бьют по лицу других. Но раз уж я взялся за эту тему, то пришлось ее осваивать: ездить в Институт физкультуры и смотреть учебные фильмы по боксу. Общаясь со знатоками, я проникся пониманием этого вида спорта как искусства. Эти увлеченные люди говорили о боксе с такой любовью, словно речь шла о возделывании полевых маков или гвоздик. И оказалось, что надо не просто разбить нос, а «красиво пустить в нокаут».

Однако почувствовать красоту бокса было мало. Ее еще нужно было перевести в пластику кукол, которые должны были боксировать под музыку. Предполагалось три музыкальных раунда: первый раунд — пачанга, второй — танго, третий — блюз. Однако в своей изобретательности Бардин пошел еще дальше: всю классическую хореографическую часть с мордобоем доверил женским рукам, а хамские паузы с тренерами — мужским. Вот такое распределение ролей! Оказывается, у мультипликаторов тоже есть свое амплуа, свой диапазон возможностей.

— Я люблю мультипликаторов, вижу в них своих сообщников и соавторов. Правда, я бросаю их из огня в полымя. Только они освоили пластилин, тут же предлагаю им совершенно другое — «Банкет», застолье без персонажей. Почему? Если бы я придумал конкретные персонажи, зритель никогда бы не ассоциировал бы себя с тем толстым, рыжим, лысым, кудрявым. А так он вправе посадить себя на любое место за этим столом. Я вовлекаю зрителей в игру. Мне нужно было призвать на помощь весь мой опыт «доуказной» жизни — застойный и застольный,— чтобы написать сценарий.

— А если честно, вы не жалеете, что поменяли профессию?

— Я не считаю, что я ее поменял, потому что актерство — всегда актерство, оно пребывает в любой профессии, кстати, в вашей журналистской тоже. Слушая меня, вы проникаетесь в мой строй жизни, в мой характер — это и есть искусство перевоплощения. Я обожаю актеров и сам тоже грешу — озвучиваю свои мультфильмы. От себя никуда не денешься.

— Мультипликацию нередко рассматривают как нечто второсортное по сравнению с большим, игровым кино. Не испытываете ли вы в связи с этим комплекс неполноценности?

— Нет, несмотря на все старания вашего брата-журналиста, я на этот счет никаких комплексов не испытываю. Хотя пресса — это прежде всего невнимание и эдакое амикошонское похлопывание по плечу сверху вниз, как по отношению к «братьям нашим меньшим». Она в первую очередь виновата в том, что мультфильмы именуются не иначе как «мультики», «мультяшки». Но если уж мы делаем «мультики», то поэт пишет «стишки», композитор — «музычку», писатель—«книжонки». А мы требуем уважительного отношения к себе, к нашему делу — кропотливому и очень трудоемкому.

Это неуважительное отношение к мультипликации я прочувствовал на собственной шкуре. Взять хотя бы Каннский фестиваль, который оказывается то плохим и буржуазным (если наши фильмы не получили наград), то хорошим (если советскому фильму присуждается премия). В 1987 году награду получило «Покаяние» Т. Абуладзе, а в прошлом ни один наш фильм в большом метраже на конкурс не взяли. А в малом метраже взяли мои «Выкрутасы», которые получили «Золотую пальмовую ветвь» — высшую награду Каннского фестиваля. Но когда я вернулся домой, то из газет узнал, что «советские фильмы в конкурсе не участвовали». То ли я не советский режиссер, то ли я сделал антисоветский фильм... Ни в «Правде», ни в «Советской культуре» о мультфильме ни слова. Зато в «Комсомольской правде» я прочел заметку о Каннском фестивале, большая часть которой была посвящена сидячей забастовке шахтеров. На них почему-то никто не обращал внимания. Правда, «Комсомолка» упомянула, что из советских фильмов на конкурсе была «всего лишь 9-минутная короткометражка режиссера Балдина». Вскоре в «Советской культуре» появляется короткий репортаж о Краковском фестивале короткометражных фильмов, на котором почетные дипломы получили режиссер Франгиз Курбанова (прошу учесть, что это — женщина) и я. Только я успел оправиться от «Балдина», и тут читаю: почетными дипломами Краковского фестиваля удостоены «советские режиссеры Ф. Курбанов и Г. Балыдин». Ну ладно, мне не привыкать. Но за что бедную Франгиз сделали мужчиной?! Она же мать, жена. Каково узнать семье, что они ошибались все эти годы?

Не подумайте, что я — в обиженных, что мне славы не хватило. Нет. Это тенденция отношения к мультипликации, это невежество, и мы от него не можем защититься. Еще один пример. У нас много лет нет помещения. Мы работаем в двух старых церквях — на Каляевской и на Арбате, работаем в жутких условиях. И вот мы послали большую статью в «Советскую культуру» по поводу здания для киностудии. Называлась она «Открытое письмо Ермашу», но тогда еще не было гласности, и они придумали свое название — слюнтяво-сопливое: «Домик для Чебурашки». Ну кому пришло в голову вот это серьезное, наболевшее, вымученное, выморочное наше снабдить таким несерьезным заголовком?!

— Если уж считается, что мультфильмы предназначены в первую очередь детям, почему же тогда большая их часть — это откровенная халтура?

— Я не могу с вами не согласиться. Дело в том, что наша мультипликация делится на два слоя. Первый — это такие, как Ф. Хитрук, Ю. Норштейн, Э. Назаров, А. Хржановский, чьи фильмы занимают высшие пьедесталы на международных фестивалях и закупаются гораздо в большем количестве, чем игровые. Но наряду с высшим звеном существует среднее, и между ними дистанция огромных размеров, провал. Иногда мне стыдно за моих коллег, которые бесцельно тратят девять месяцев своей жизни. Они, наверное, чувствуют себя Кощеями Бессмертными, если могут позволить себе роскошь — за целый год работы выдать такую дрянь для показа детям.

— Если бы вы решили делать фильм о сегодняшнем дне, каким бы он был?

— Не знаю, вы застали меня врасплох. Для меня очевидно одно: перестройка выявила, что у нас большой, невосполняемый пробел в культуре — начиная от кладбищ и кончая туалетами. Вы заметили, что сейчас очень часто говорят: у нас не хватает культуры вождения, культуры возделывания семян, культуры общения, культуры диспута — всяческой культуры. Гласность выявила, что многие из нас — хамы, а демократизация позволила высказаться хаму, причем иногда он говорит громче интеллигентного человека — в силу особой формы гортани. Хам как-то обрел вес и голос. Так что если бы я делал фильм, то делал бы об этом. А если бы ставил спектакль в театре, то обратился бы к любимому мной Чехову. Потому что, если театр будет гнаться за газетной статьей, он далеко не уйдет, ведь публицистика устаревает моментально, а нам остаются какие-то простые человеческие истины. Я считаю, что необходимо возрождение подлинной русской интеллигенции, необходимо обращать взгляд в душу.

Кто-то может усмехаться: зачем мультипликатору копаться в человеческой душе? Но в этом и заключается феномен Гарри Бардина, что сюжеты для своих фильмов (а сценарии он пишет только сам) он берет из жизни, из реальных судеб. Он наблюдает, а потом пересказывает все это своим необычным языком. Так, например, как рассказал он историю одиночества на примере проволочного человечка из мультфильма «Выкрутасы». Сам появившись из проволоки, он начинает создавать свой собственный, проволочный мир. Он следует извечному сценарию: посади дерево, построй дом и роди сына. Но все время ему что-то мешает. Посадив сад, он ставит забор, потому что ему мешают свиньи. Потом он переделывает пугало в собаку, потом ставит еще один забор, делает себе женщину-жену, а вот до сына дело не доходит, так как в борьбе со всякими помехами он изводит массу сил, энергии и проволоки. И в конце концов он остается один, в окружении заборов, раскрутив и собаку, и жену на колючую проволоку.

— Сейчас очень неспокойное время — все бурлит, все меняется. А что происходит на «Союзмультфильме»?

— Студия поделилась на пять объединений по новой модели кинематографа, но, честно говоря, никаких реальных результатов я от этого не вижу. Может быть, мы поторопились натянуть на себя одежку игрового кинематографа, ведь качественно на студии ничего не изменилось. Мы много говорим о хозрасчете, а он, как известно, держится на трех китах: на авторском праве, на оснащенности киностудий и на прокате. Пока мы едем на рынок, не имея товара. Почему? Объясню. Во-первых, у нас нет авторского права, поэтому мы не знаем, сколько валюты зарабатывают наши фильмы, проданные за рубеж, и куда она идет. Второй, очень больной кит — это то, что «Союзмультфильм» находится на очень низком уровне: не соответствует мировым стандартам по технике, пленке и т. д. А республиканские студии находятся просто в аховом состоянии. Бывая на международных фестивалях, я обратил внимание, что западная продукция поражает цветом, звуком. А наша может быть высокоинтеллектуальна, до предела духовна, но цвет и звук... запредельны. Третий кит — проблема проката, с которого мы при хозрасчете якобы собираемся качать деньги. Она пока тоже не решена.

Хозрасчет — хозрасчетом, но главное для Бардина все-таки творчество. Японцы утверждают, что жизнь человека делится на семилетние циклы. Бардин считает, что у него именно так и происходит. Так получилось, что первые семь лет отданы театру, потом были семь лет в рисованной мультипликации, а скоро истекает семь лет, как он снимает кукольные мультфильмы. Чему посвятит следующие семь лет, Бардин еще не знает, но уверен в одном, что 89-й (его год, год Змеи) принесет ему удачу. Я верю, что этой удачей станет получасовой мультфильм-мюзикл «Серый Волк энд Красная Шапочка» — новое детище этого неуемного Гарри Бардина.

О. СПИРКИНА.

Фото А. АБАЗЫ.